

*Геннадий Васильевич БУШУЕВ –
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Института
государства и права,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ*

УДК 343.228

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ
ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ И КРАЙНЕЙ
НЕОБХОДИМОСТИ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние фактической ошибки на правовую оценку действий лица, причинившего вред при превышении пределов необходимой обороны, при мнимой обороне, превышении пределов крайней необходимости и в состоянии мнимой крайней необходимости.

The article considers the actual mistake influence on legal assesment of an individual's actions, who has caused injury by exceeding necessary self – defence limits, false defence, by exceeding of absolute defence limits and in the state of false absolute necessity.

Наиболее ярко фактическая ошибка проявляется в содержании так называемой мнимой обороны. Под мнимой обороной в теории уголовного права понимается ситуация, в которой лицо предпринимает оборонительные действия в отношении не существующего, но предполагаемого посягательства. Конечно, правильнее было бы считать мнимой не оборону, которая осуществляется в действительности и причиняет кому-то вред, нередко, крайне тяжкий. Мнимым является посягательство, именно оно по каким-то причинам возникает в сознании обороняющегося, и он предпринимает не мнимые, а действительные оборонительные действия против воображаемого нападения [1]. В уголовно-правовой литературе традиционно предлагается такие действия (при наличии извинительной ошибки обороняющегося) рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны [2].

Такое мнение нельзя признать правильным. Оно напрямую противоречит провозглашенному законодателем принципу законности, согласно которому «применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Между тем в существующей уголовно-правовой литературе, в том числе в учебниках по уголовному праву, оборона от воображаемого посягательства при наличии извинительной ошибки «обороняющегося» рассматривается по правилам необходимой обороны, т.е. по аналогии с условиями правомерности, содержащимся в ст. 37 УК РФ. Под извинительной ошибкой понимается такое заблуждение «обороняющегося», когда он не предвидел и не мог предвидеть возможности причинения вреда лицу, не виновному в посягательстве, когда обстановка создавала иллюзию нападения, а обороняющийся не имел возможности ее правильно оценить. Необходимая оборона, согласно действующему уголовному законодательству, отнесена к обстоятельствам, исключаящим преступность деяния. Это означает, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не содержат хотя бы один из признаков, присущих преступлению. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается только деяние, которое: 1) общественно опасно; 2) противоправно и 3) виновно. Иными словами, любое преступление несет в себе реальную возможность причинения вреда законным интересам; оно противоречит требованиям уголовного закона

(нарушает запрет или игнорирует веление); совершается умышленно или по неосторожности. В уголовно-правовой литературе необходимая оборона вполне обоснованно отнесена к обстоятельствам, исключаящим общественную опасность деяния [3]. Действия, совершаемые в состоянии необходимой обороны, направлены исключительно на отражение посягательства и на этом основании признаются общественно полезными. Кроме того, эти действия не запрещены законом и, следовательно, не противоправны. Общественно полезные и правомерные действия не могут быть виновными, что дает основание утверждать об отсутствии в деянии, совершенном в состоянии необходимой обороны, всех признаков события преступления. Уголовные дела, возбужденные, например, по факту причинения смерти, при установлении всех условий правомерности необходимой обороны должны прекращаться не по п. 2 ст. 5 УПК РСФСР, а по п. 1 этой статьи, т.е. не в связи с отсутствием состава преступления (как это обычно делается), а в связи с отсутствием события преступления*.

Что же касается оборонительных действий от воображаемого посягательства, то они во всех случаях не лишены объективного качества общественной опасности и поэтому не могут (как необходимая оборона) быть отнесены к числу обстоятельств, исключаящих общественную опасность. При наличии извинительной ошибки они не содержат лишь признака виновности, и уголовно-правовым основанием освобождения лица от уголовной ответственности здесь выступает не ст. 37, а ст. 28 УК РФ.

В соответствии с гражданским законодательством вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не влечет гражданско-правовых последствий, т.е. не подлежит возмещению.

Если мнимую оборону приравнять к необходимой, то основанием освобождения лица от уголовной ответственности будет ст. 37 УК РФ с теми же гражданско-правовыми последствиями. Невиновно пострадавшее лицо, ошибочно принятое за нападающего, окажется в том же гражданско-правовом положении, какое определено законом для преступника, фактически совершившего посягательство. Возникает закономерный вопрос: кто будет возмещать вред лицу, ошибочно принятому за преступника. Понятно, что вред ему был причинен без злого умысла и при отсутствии неосторожности, поэтому причинитель не привлекается к уголовной ответственности. Но невиновно пострадавшему не легче от того, что его покалечили по ошибке. Ему кто-то должен возместить затраты на лечение и компенсировать утрату трудоспособности. Кто это сделает? Если данную ситуацию (мнимую оборону) приравнять к необходимой обороне, то причинитель будет освобожден от обязанности возместить причиненный вред. Государство тоже на себя такую обязанность не берет. Значит, пострадавший останется наедине со своим горем и потерянным здоровьем. Признать такое положение справедливым никак нельзя. Полагаю, что уголовные дела, возбужденные по факту причинения вреда в силу фактической ошибки относительно наличия посягательства, должны прекращаться на основании ст. 28 УК РФ и в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РСФСР, а в гражданском праве следовало бы предусмотреть юридические основания для возмещения вреда, причиненного мнимому посягателю.

Удивляет тот факт, что в уголовно-правовой литературе, даже самой новейшей, мнимая оборона (при наличии извинительной ошибки) приравнивается к необходимой [4]. Так, Н.Г. Кадников, автор одной из последних работ по проблемам обстоятельств, исключаящих преступность деяния, пишет: «В тех случаях, когда обста-

* Конечно, правильнее было бы установить в п. 1 ст. 5 УПК не отсутствие события преступления, а отсутствие события общественно опасного деяния, так как в действующем УК РФ в число обязательных признаков преступления (в отличие от УК РСФСР 1960 г.) включен признак виновности и поэтому при отсутствии состава преступления всегда отсутствует событие преступления, хотя событие общественно опасного деяния может быть налицо.

новка происшествия давала основания полагать, что совершается реальное посягательство и лицо, применившее средство защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны» [5]. Особенность мнимой обороны состоит в том, что в этой ситуации объективно отсутствует посягательство, а если его нет, защита не допустима, т.е. состояние необходимой обороны не возникает. В этом случае полностью отсутствуют те условия правомерности, которые относятся к посягательству (общественная опасность и наличность) и которые порождают право на оборонительные действия. Если такие действия совершаются в силу заблуждения, они не могут считаться совершенными в состоянии необходимой обороны, ибо такое состояние не возникло, и не могут приравниваться к состоянию необходимой обороны, так как это будет применением уголовного закона по аналогии, что категорически запрещено законодателем.

Чтобы понять истоки критикуемого заблуждения, при котором отождествление мнимой обороны с необходимой постулируется, но не обосновывается, надо совершить небольшой экскурс в недалекое прошлое. Вспомним, в частности, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне». Именно в нем высшая судебная инстанция СССР изложила свое понимание мнимой обороны и ее правовых последствий, приравняв (по сути) мнимую оборону при извинительной ошибке обороняющегося к состоянию необходимой обороны. Но ведь это было время, когда в полную силу применялся принцип аналогии уголовного закона. Позднее, а именно 25 декабря 1958 г., были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, где принцип аналогии уголовного закона не нашел законодательного закрепления. Между тем положения Пленума ВС СССР от 23 октября 1956 г. настолько прочно вошли в сознание юристов, что последующие постановления Пленума ВС СССР по делам о необходимой обороне (от 4 декабря 1969 г. и 16 августа 1984 г.), почти дословно повторившие те же положения, не встретили никакой критики со стороны представителей уголовно-правовой науки и даже теперь, когда в УК РФ 1996 г. прямо запрещена аналогия уголовного закона, во всех учебниках и научных работах, посвященных данной проблеме, вопрос о мнимой обороне решается так же, как и в 1956 г. Если в те времена отождествление мнимой и необходимой обороны не противоречило ни закону, ни правосознанию юристов, то в более позднее время, в особенности когда в УК РФ была введена ст. 28 о невиновном причинении вреда, такое отождествление недопустимо, так как появилось иное уголовно-правовое основание для освобождения лица от уголовной ответственности за причинение вреда при заблуждении в факте посягательства.

Итак, последствия мнимой обороны при извинительной ошибке «обороняющегося» подлежат правовой оценке не по правилам необходимой обороны, а по признакам ст. 28 УК как факт невиновного причинения вреда. Это случаи, когда лицо в силу фактической ошибки не предвидит и не может предвидеть тех последствий своих действий, которые в действительности наступают. Но это не единственное последствие ошибочно предпринимаемых действий при мнимой обороне. Во всех трех постановлениях Пленума Верховного Суда СССР по делам о необходимой обороне указано, что в зависимости от обстоятельств мнимая оборона, наряду с освобождением «обороняющегося», может влечь уголовную ответственность за неосторожное причинение вреда или за превышение пределов необходимой обороны. Вот как авторы комментария к Уголовному кодексу РФ, изданного по эгиде Генеральной прокуратуры РФ комментируют разъяснение Верховного Суда СССР: «если при мнимой обороне лицо, причиняющее вред мнимому посягателю, не сознавало, что в действительности посягательства нет, добросовестно заблуждаясь в оценке сложившейся обстановки, но по обстоятельствам дела должно было и могло сознавать это,

ответственность за причиненный вред наступает как за неосторожное преступление» [6]. Аналогичное толкование дают и другие авторы; например, Н.Г. Кадников пишет: «Если лицо, причинившее вред, не сознавало мнимости посягательства, но по обстоятельствам дела должно и могло это сознавать, действия такого лица подлежат квалификации по статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности» [7]. Такое объяснение неосторожной вины лица к содеянному при мнимой обороне не соответствует буквальному толкованию ст. 26 УК РФ, в которой законодатель рассматривает психическое отношение виновного (как при легкомыслии, так и при небрежности) исключительно к последствию. При легкомыслии лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 26 УК РФ). При небрежности лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (ч. 3 ст. 26 УК РФ). Формулируя содержание неосторожной формы вины, законодатель вообще не применяет слово «сознание» или «осознание» чего-то, а использует этот термин только применительно к умышленной форме вины. При неосторожности лицо предвидит (легкомыслие) или не предвидит (небрежность) последствие своих действий. Что же касается приведенных комментариев, то в них авторы, во-первых, подменяют «предвидение» «сознанием», во-вторых, «сознание» или «не сознание» они относят не к последствию своих действий, а к наличию или отсутствию посягательства. Но ведь искаженное представление о наличии посягательства нельзя признать последствием действий ошибочно обороняющегося лица. Речь, конечно, должна идти о том, могло ли лицо предвидеть в состоянии мнимой обороны факт причинения вреда человеку, не причастному к посягательству, т.е. акцент надо делать не на «сознании» или «не сознании» наличности посягательства, а на «предвидении» или отсутствии такового относительно возможности причинения кому-то вреда. Если мнимый обороняющийся не сознает и не может сознавать опасности своего деяния, то в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК мы имеем дело с фактом невиновного причинения вреда. Здесь отсутствует первый признак интеллектуального момента умысла. Для признания наличия неосторожной вины при защите от несуществующего посягательства мы должны, по меньшей мере, констатировать наличие субъективного критерия небрежности, т.е. возможности предвидения причинения вреда. Таково требование ст. 26 УК РФ.

К мнимой обороне следует отнести и такие ситуации, когда обороняющийся в силу фактической ошибки причиняет вред лицу, от которого не исходит никакой опасности. Это те случаи, когда посягательство фактически имело место, но прекратилось по каким-то причинам, о чем обороняющийся не знал.

В постановлении Пленума ВС СССР от 16 августа 1984 г. указано, что «состояние необходимой обороны может иметь место и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент его окончания» [8]. О каком состоянии необходимой обороны можно говорить, если посягательство окончилось, объективно его не существует, а следовательно, нет одного из обязательных условий правомерности необходимой обороны — наличности посягательства. Это уже не состояние необходимой обороны, а состояние, похожее на нее, аналогичное ей. В действительности это разновидность мнимой обороны, когда наличность посягательства отсутствует, а обороняющемуся (в силу извинительной фактической ошибки) не ясен момент его окончания. Юридическим основанием освобождения от уголовной ответственности в таких случаях является ст. 28 УК РФ. Такие деяния объективно не исключают общественной опасности, они лишь не содержат вины. Если же считать, что здесь «состояние необходимой обороны может иметь место», тогда мы должны

признать, что причинение вреда в данных условиях не только не общественно опасно, но социально полезно. Абсурдность какого утверждения очевидна. Уголовная ответственность обороняющегося исключается не потому, что он совершил общественно полезные действия, а в связи с тем, что, во-первых, его действия спровоцированы поведением нападающего, во-вторых, что обороняющийся в силу фактической ошибки не предвидел и не мог предвидеть возможность причинения вреда лицу, переставшему быть источником опасности.

Вместе с тем нельзя не заметить, что данный вопрос имеет продолжение, которое не стало предметом внимания ни высшей судебной инстанции страны, ни представителей науки уголовного права. Пленум ВС СССР в последнем постановлении, приравняв объективно запоздалую оборону к состоянию необходимой обороны, «когда не был ясен момент окончания посягательства», на этом поставил точку, хотя здесь возможны разные варианты правовой оценки содеянного в зависимости от того, насколько непознаваема была ситуация в том или ином случае. По крайней мере здесь возможны два варианта психического отношения обороняющегося к последствиям своих действий. Если неясность момента окончания нападения напрочь исключает возможность предвидеть причинение вреда лицу, спровоцировавшему оборонительные действия, то мы имеем факт невиновного причинения вреда. Но возможен и другой вариант, когда для обороняющегося не ясен момент окончания нападения, но при более внимательном отношении к событию среднестатистический человек (равно как и данный конкретный обороняющийся) мог разобраться в ситуации и, значит, при большей внимательности и предусмотрительности мог предвидеть возможность причинения вреда лицу, прекратившему посягательство. Это уже, казалось бы, ошибка, не извинительная, влекущая уголовную ответственность за неосторожное причинение вреда. Но за что человека наказать в такой ситуации? Во-первых, он спровоцирован на защиту; во-вторых, для него не был ясен момент окончания нападения. В принципе, совершение оборонительных действий в отношении лица, прекратившего нападение, есть превышение пределов необходимой обороны. Это явное несоответствие (с объективной стороны) защиты и опасности посягательства. Если данное обстоятельство осознается обороняющимся, это будет инерция оборонительных действий при уже прекратившемся посягательстве. Уголовная ответственность возникает на общих основаниях за умышленное преступление при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж», ч. 1 ст. 61 УК РФ. Там, где посягательство окончилось, оборона недопустима, значит, ее нельзя превысить. Если же момент окончания посягательства не ясен для обороняющегося и он обороняется от несуществующего, но предполагаемого нападения, то при отсутствии возможности предвидеть причинение вреда лицу, прекратившему посягательство, ответственность исключается на основании ч. 1 ст. 28 УК РФ. В тех случаях, когда обороняющийся допускает фактическую ошибку относительно наличия посягательства, когда при большей внимательности и предусмотрительности он может предвидеть или даже предвидит возможность причинения вреда лицу, прекратившему посягательство, но в связи со значительной нервно-психической перегрузкой и несоответствием своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий лицо не может принять правильное решение, причинение вреда в условиях оконченого посягательства исключает уголовную ответственность на основании ч. 2 ст. 28 УК РФ.

Далее следует дать уголовно-правовую оценку действиям лица, оказавшегося в состоянии мнимой обороны и причинившего предполагаемому нападающему такой вред, который явно не соответствует опасности посягательства, если бы оно было действительным. Пленум ВС СССР от 16 августа 1984 г. дал на этот счет следующее разъяснение: «... когда при мнимой обороне лицо причинило потерпевшему вред, явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности как за превышение пределов

необходимой обороны». Такое разъяснение содержалось и в двух ранее принятых постановлениях ВС СССР по делам о необходимой обороне (от 23 октября 1956 г. и от 4 декабря 1969 г.). В уголовно-правовой литературе в течение почти полувека этот постулат повторяется без какой-либо аргументации и критического анализа [9]. Предлагается применять нормы об уголовной ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108) или за причинение тяжкого вреда здоровью при тех же обстоятельствах (ч. 1 ст. 114 УК РФ), хотя при этом состояние необходимой обороны не возникает (нет ни одного условия правомерности необходимой обороны, относящегося к посягательству). Отсутствие посягательства исключает право на оборону, а если права нет, его невозможно превысить. Применение ст. 108 и 114 УК РФ в подобных случаях является прямым посягательством на принцип законности, согласно которому «применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Понятно, что привлекать в таких случаях «обороняющегося» за причиненный вред на общих основаниях будет делом несправедливым. Он действовал в ситуации, когда вся обстановка однозначно свидетельствовала о якобы существующем посягательстве, и вина его состоит только в выходе за пределы дозволенного (применительно к условиям реального посягательства), но привлечение к ответственности за вред, причиненный с превышением пределов необходимой обороны, не соответствует действующему закону. Не зря во всех упомянутых постановлениях Пленума ВС СССР говорится, что лицо в таких случаях «подлежит ответственности как к (разрядка моя. — Г. Б.) за превышение пределов необходимой обороны». Вы заметили, уважаемые читатели: не за факт превышения, а как за превышение. Этот вариант квалификации не подходит по причине, изложенной выше. Остается еще вариант вменения неосторожного преступления. Но и он не подходит, так как отсутствие посягательства вообще не сознается мнимо обороняющимся, а вред предполагаемому нападающему причиняется умышленно более значительный, чем он необходим в ситуации реального посягательства. Как это ни прискорбно, из всех трех вариантов наиболее подходящим следует признать первый. При существующем законе надо применять ст. 105 и 111 УК РФ, т.е. вменять содеянное на общих основаниях, а чтобы соблюсти принцип справедливости, заблуждение лица относительно наличия посягательства следует оценить как исключительное смягчающее обстоятельство, что позволит применить наказание, соответствующее санкции ст. 108 и 114 УК РФ. Но лучшим выходом из положения было бы дополнение названных статей третьими частями, в которых установить уголовную ответственность за данный вид привилегированных преступлений.

Еще одной разновидностью фактической ошибки при необходимой обороне является превышение ее пределов по неосторожности. В этих случаях лицо объективно причиняет вред нападающему, явно не соответствующий характеру и степени опасности посягательства, но не предвидит этого обстоятельства, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло это предвидеть. Какую ошибку при этом допускает обороняющийся? Защищается он от действительно, а не мнимого посягательства. В этом ошибки нет. Его заблуждение состоит в том что он объективно причиняет вред гораздо больше того, который был необходим в данном конкретном случае. Его действия с объективной стороны полностью соответствуют признакам преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 108 и 114 УК РФ. Такие действия не влекут уголовной ответственности не по признаку общественной полезности (они объективно общественно опасны), а в силу отсутствия вины, которая при эксцессе обороны может быть только умышленной.

В УК РСФСР 1960 г. форма вины в превышении пределов необходимой обороны не была конкретизирована, поэтому в уголовно-правовой литературе этого периода излагались самые разнообразные позиции. А. А. Пионтковский во всех своих

работах настойчиво утверждал, что уголовная ответственность за преступления с превышением пределов необходимой обороны может быть только при наличии умышленной формы вины [10]. Противоположной позиции придерживался М. И. Якубович. Он считал, что эксцесс обороны является только неосторожным преступлением [11]. Другие авторы настаивали на том, что превышение пределов необходимой обороны влечет уголовную ответственность как при умышленной, так и неосторожной форме вины [12]. При таком колоссальном разбросе мнений среди известных ученых по вопросу, от решения которого зависела судьба людей, было нелегко на практике принимать правильные решения. Наиболее предпочтительной была позиция А.А. Пионтковского (кстати, ее подтвердил Пленум Верховного Суда СССР, но это произошло только 16 августа 1984 г.), но и он не был до конца последователен. Правильно утверждая, что превышение пределов необходимости есть умышленная деятельность, он в то же время считал, что «причинение какого-либо вреда по неосторожности при превышении пределов необходимой обороны должно влечь за собой уголовную ответственность на общем основании за неосторожное совершение преступления» [13]. Что в этом случае получается? За умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны был установлен максимум наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет (ст. 105 УК РСФСР 1960 г.). Логично предположить, что неосторожное лишение жизни при тех же обстоятельствах должно влечь наказание гораздо менее суровое, чем за умышленное убийство. Но получалось все наоборот. Санкция за неосторожное убийство по УК 1960 г. определяла наказания в виде лишения свободы на сроки до трех лет.

Пленум ВС СССР своим постановлением от 16 августа 1984 г. поставил точку в многолетнем споре ученых, разъяснив всем нижестоящим судам, что ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только при наличии умышленной формы вины. По сути дела Пленум дал буквальное толкование ч. 2 ст. 13 УК РСФСР, в которой превышение пределов необходимой обороны определялось как действие, явно не соответствующее характеру и опасности посягательства. Если несоответствие ясное, т.е. очевидное для обороняющегося, следовательно, он сознает опасность своих действий и совершает их умышленно. С 1984 г. за неосторожное превышение пределов необходимой обороны перестали привлекать к уголовной ответственности. Это, конечно, не означает, что с тех пор такие действия стали общественно полезными, они как были ранее, так остались и теперь общественно опасными и не влекут уголовной ответственности исключительно в силу отсутствия умысла.

Превышение пределов необходимой обороны является следствием фактической ошибки, которая может проявляться чаще всего в двух разновидностях:

- обороняющийся в экстремальных условиях неправильно оценил угрожавшую опасность (считал ее более значительной, чем она была в действительности);
- обороняющийся недооценил свои возможности и причинил нападающему вред, на который не рассчитывал и которого не желал.

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, большинством ученых тоже отнесена к числу обстоятельств, исключающих главный признак преступления — общественную опасность [14]. С этим можно согласиться, но с определенной оговоркой. Крайняя необходимость есть состояние, в котором действующее лицо из двух зол выбирает меньшее, и хотя вред причиняется не источнику опасности (как при необходимой обороне), а чаще всего третьим лицам (ни в чем не повинным), признать такие действия общественно опасными нельзя, так как индивидуально причиненный кому-то вред был средством защиты более ценного блага. Если причиненный вред равен предотвращенному или более значителен, то состояние крайней необходимости исключается. Такие действия нельзя признать исключающими общественную опасность, и по УК РСФСР 1960 г. они (вне зависимо-

сти от формы вины) являлись основанием для привлечения к уголовной ответственности. В УК РФ 1996 г. (впервые в истории нашего уголовного законодательства) введено понятие превышения пределов крайней необходимости (ч. 2 ст. 39 УК), под которым законодатель понимает «причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем вред предотвращенный».

Нетрудно заметить, что в этом определении содержится неразрешимое логическое противоречие. Если превышением пределов крайней необходимости является вред, явно не соответствующий угрожавшей опасности, то он не может быть равным, он должен быть больше, притом значительно больше вреда предотвращаемого. Если вред равный, то он тождествен предотвращаемому и не может быть не соответствующим и, тем более, явно не соответствующим угрожавшей опасности. Все встанет на свои места, если из ч. 2 ст. 39 УК исключить все, что относится к «явному несоответствию». Тогда ч. 2 ст. 39 УК можно было бы изложить в следующей редакции: «Превышением пределов крайней необходимости является умышленное причинение вреда равного или более значительного, чем вред предотвращаемый».

Если лицо, находясь в состоянии крайней необходимости, в силу фактической ошибки (заблуждения относительно тяжести вреда, причиняемого в интересах сохранения другого блага), по неосторожности причиняет вред более значительный, чем вред предотвращенный, то уголовная ответственность исключается. Объективно такие действия не лишены общественной опасности и остаются противоправными. Они исключают преступность только в силу отсутствия признака виновности.

В данном случае мы имеем уголовно-правовое основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное в ч. 2 ст. 28 УК РФ. Лицо стремится на свой страх и риск спасти какое-то благо, но причиняет вред более значительный, чем тот который оно стремилось предотвратить. Например, водитель в целях спасения ребенка, неожиданно выскочившего на проезжую часть дороги, сигналив, сворачивает на тротуар, где в это время проходили люди, и сбивает двух юношей, которые от травм скончались. Водитель, подавая звуковой сигнал и пытаясь маневрировать среди пешеходов, надеялся на то, что они, услышав его сигналы, смогут правильно среагировать. Водитель предвидел возможность наезда на пешеходов, стремился предотвратить его, но в силу быстротечности события (экстремальная ситуация) это ему не удалось. Фактическая ошибка может не только привести к неумышленному превышению пределов крайней необходимости, но и вызвать состояние мнимой крайней необходимости. Такая ситуация возможна, когда лицо ошибается относительно наличности возникшей опасности и предпринимает действия по отращению мнимой опасности, причиняя вред третьим лицам. Например, водитель грузовика в целях избежать столкновения с маршрутным автобусом резко сворачивает вправо и наезжает на троллейбусную опору. Четверо его пассажиров получают телесные повреждения различной степени тяжести. Водитель объясняет свои действия стремлением обезопасить пассажиров автобуса. Оказалось, что автобус был без пассажиров, вел автобус угонщик, и именно он нарушил правила дорожного движения, частично заехав в полосу встречного движения. У водителя грузовика сложилось неправильное представление о действительной опасности, которую он стремился предотвратить. Угонщик автобуса грубо нарушил правила дорожного движения, а водитель грузовика действовал исключительно в интересах предполагаемых пассажиров автобуса. В действительности был спасен угонщик автобуса, создавший опасную дорожную ситуацию, а пострадали невинные люди.

Итак, какую правовую оценку мы дадим действиям лица, причинившего кому-то вред в целях сохранения других интересов?

1. Вред причиненный меньше вреда предотвращенного:

Такие действия исключают общественную опасность (как основной признак преступления), и лицо освобождается от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 39 УК РФ и в соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РСФСР.

2. Вред причиненный равен предотвращенному или более значительный:

— если лицо не предвидело такие последствия, хотя при большей внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть, освобождение от уголовной ответственности осуществляется на основании ч. 2 ст. 39 УК РФ в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РСФСР;

— если лицо предвидело возможность причинения более значительного вреда, но не могло его предотвратить в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий, то основанием освобождения от уголовной ответственности служит ч. 2 ст. 28 УК РФ и п. 2 ст. 5 УПК РСФСР.

В указанных ситуациях общественная опасность деяния не исключается.

3. Вред причиняется в состоянии мнимой крайней необходимости:

— если причинитель вреда не сознает опасности своих действий и не может это сознавать или не предвидит возможности причинения вреда чьим-то законным интересам и не может это предвидеть, он освобождается от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 28 УК РФ в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РСФСР;

— если причинитель вреда не сознает факта отсутствия опасности и по этой причине не предвидит возможности причинения вреда чьим-то законным интересам, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности от мог это предвидеть, то по действующему уголовному законодательству наступает уголовная ответственность за неосторожное преступление.

Здесь тоже в обоих случаях содеянное содержит в себе признак общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. II. М., 1970. С. 363.
2. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. II, Л., 1968. С.498-501; Уголовное право Российской Федерации. Омск, 1998. С. 182; Кадников Н. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 1998. С. 10.
3. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. II. 1970. М., С. 347; Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. 1996. С. 326-327.
4. Кадников Н. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 1998. С. 10; Уголовное право... С. 182; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ген. прокурора РФ и Председателя Верховного Суда РФ. М., 2000.
5. Кадников Н. Г. Указ. соч. С. 10;
6. Комментарий к Уголовному кодексу... М., 1996. С.75.
7. Кадников Н.Г. Указ. соч. С. 10;
8. Бюллетень ВС СССР. 1984. № 5. С.11.
9. Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956; Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961; Курс советского уголовного права: В 5 т. Общая часть. Т. I. Л., 1968; Курс советского уголовного права: В 6 т. Общая часть. Т. II. 1970; Кадников Н. Г. Указ. соч.
10. Курс советского уголовного права: В 6 т. Общая часть. Т. II. М., 1970. С. 377.
11. Якубович М. И. Указ. соч. С. 147.
12. Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1948. С. 76-77; Слуцкий И. И. Указ. соч. С. 82.
13. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. II. М., 1970. С. 377.
14. Там же. С. 380; Наумов А. В. Указ. соч. С. 335.